

ки полагаемый предел чисто логического процесса априорного синтеза, а следовательно, — и наивысшее спекулятивное понятие, то (2) “образование духа” представляет собой сам этот процесс, дающий целое многообразие априорных синтетических суждений. Таким образом, две ключевые гегелевские категории получают строгую экспликацию, подтверждая правомерность предпринятого анализа.

Примечания

- ¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 131.
- ² Кант И. Указ. соч. С. 227.
- ³ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1994. Кн. 3. С. 237.
- ⁴ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1970. С. 211.
- ⁵ Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 248.
- ⁶ Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.
- ⁷ Hegel G. W. F. Die Vernunft in der Geschichte. Berlin, 1996. S. 57.
- ⁸ Ibid. S. 54.
- ⁹ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб., 1994. С. 25.
- ¹⁰ Там же. С. 31.

Вольфганг Кульман

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

1. Предварительное замечание

Язык, который всегда был важным предметом философии, в XX веке явно переместился в центр этой дисциплины. Философия языка стала *первой философией (prima philosophia)* и уже теперь — к концу этого столетия — со своей историей развития в этом качестве. *Трансцендентальная прагматика* представляет собой попытку сделать из сегодняшнего состояния дискуссий, являющегося результатом данного развития, выводы в философском плане, настолько полные и радикальные, насколько это возможно. Она представляет собой опыт всеобъемлющей диагностики (сегодняшней) ситуации и ее генезиса, критической оценки подходов участников дискуссии и их результатов. При этом центральной является перспектива возможной совместимости различных подходов и результатов, т. е. перспектива выработки общей философской концепции, способной к интеграции отдельных результатов. И, кроме того, совершенно особенную роль играет рефлексия относительно разнообразных способов анализа языка, контроль за методическими подходами и абстракциями.

Поскольку специфика трансцендентально-прагматической философии языка заключается не столько в разработке некоего оригинального и конструктивного проекта, сколько в критической доработке уже достигнутых прозрений и в их “снятии” в некоей по возможности всеобъемлющей и ненаивной философии языка, поэтому для нее существенна связь систематического и исторического анализа.

2. Обзор концепции в целом¹

2.5. Если язык понимается исходя из этой перспективы, то утрачивает свою убедительность традиционная, до сегодняшнего дня влиятельная и даже доминирующая идея абсолютного примата репрезентативной функции языка, существенно независимой от его коммуникативных функций. Она неизбежно терпит крушение, коль скоро обнаруживается, что теоретическое использование языка в качестве средства репрезентации у животного, называемого “человеком”, решающим образом зависит от того, что является прежде всего моментом, центральным и даже конститутивным для коммуникативных функций понимания, договаривания, перевода с одного языка на другой: рефлексией относительно языка. На место модели, согласно которой язык предназначен по существу для изображения (Darstellung) чего-то, теперь приходит модель, в соответствии с которой язык создан прежде всего для достижения взаимопонимания (Verständigung) относительно чего-то. Обретающая тем самым убедительность идея о зависимости теоретически дескриптивной функции языка от коммуникативной может быть решающим образом заострена благодаря аргументу Витгенштейна относительно приватного языка. В конечном счете она ведет к тезису о необходимом обоюдном скрещении опосредованной языком когнитивной деятельно-

сти в рамках субъект-объектного отношения с таковой в рамках субъект-субъектного отношения, тезису, который очевидным образом заключается уже в понимании познания как акта (Leistung), который всегда представляет собой вместе с тем критическое соотнесение (Auseinandersetzung) с языковой "публичной истолкованностью" мира.

2.6. Если этот последний тезис принимается, то наконец становится в полной мере ясной та важная импликация идеи опосредованного языком познания, которая только и проливает правильный свет на значение "лингвистического поворота" (linguistic turn) философии XX века. И именно теперь можно утверждать, что разум, который в соответствии с основным течением новоевропейской философии понимался лишь из оппозиции к природе, т. е. из субъект-объектной схемы, изначально имеет социальное измерение, изначально соотнесен как с познаваемыми объектами, так и с другими совместно познающими, действующими и коммуницирующими субъектами. К этой важной импликации принадлежит также идея о том, что в опосредованном языке разуме, который является главным образом социальным, надлежит искать основания для обладающей обязательной силой этики разума.

2.7. Трансцендентальная прагматика утверждает, что такая концепция, которая только что была эскизно изображена, в состоянии как сделать возможным целостное, неурезанное видение феномена языка и исходя из этого способна к всеобъемлющей интеграции существенных результатов дискуссии, так и практиковать радикальную форму философии языка, точнее говоря, критики языка, которая обязана быть радикальной уже потому, что она является наследием критического анализа познания.

Правда, оба эти аспекта возможны только в такой трансцендентально-философской версии философии языка, которая, ввиду упомянутых особенностей феномена языка, должна принимать форму трансцендентально-прагматической концепции.

Только трансцендентально-прагматическая позиция позволяет показать язык как то, что ее прежде всего интересует в философском плане, как трансцендентальную величину (Größe), а также, — и прежде всего, — как никогда полностью не объективируемый медиум самой философии языка. И только трансцендентально-прагматическая концепция, которая основывается на трансцендентально-философской интерпретации прагматического измерения знаков, в состоянии справиться со сложным, рефлексивно преломленным (gebrochen) отношением субъекта и языка, которое само еще конституировано и канализировано языковым образом. И только такая концепция, как представляется, справляется с проблемой, венчающей любую радикальную критику языка, — проблемой рефлексивной самокритики самой этой критики.

5. Основные черты

трансцендентально-прагматической философии языка?

Рефлексия имплицитно является конститутивной для основополагающей единицы речи, для речевого акта. Но этой последней идее прокладывает путь только радикализирующая и дополняющая теорию языковых игр

Витгенштейна и теорию речевых актов интерпретация Апеля и Хабермаса.

5.1. Только в такой интерпретации, в которой важную роль играют импульсы, исходящие от семиотики Пирса, а) в полной мере понимается двойная структура (Doppelstruktur) речевого акта, б) реабилитируется рефлексия, в) признается зависимость репрезентативной функции от коммуникативной функции языка и г) разрабатывается всеобъемлющее (umfassender) понятие языка посредством выявления четырех притязаний на значимость (Geltungsansprüche) и трех мироотношений (Weltbezüge).

К пункту а): основное положение теории речевых актов о том, что речь должна пониматься как действие, имеет прежде всего следующие импликации: некоторое X может считаться действием H (Handlung) — в противоположность простому событию E (Ereignis) если: 1) X является H (т. е. фактически обладает определенными свойствами) и 2) X понимается, интерпретируется как H самим деятелем. Действование существенным образом включает более или менее эксплицитное понимание его актором. Чтобы принимать решение на совершение действий, необходимо брать на себя ответственность за них, ошибочные или, быть может, сильно отклоняющиеся от образца действия все же идентифицировать в этом их качестве. Все это возможно лишь при том условии, что в действие включается его понимание (самим деятелем). Использование этой идеи в философии языка подводит непосредственно к центральным положениям трансцендентальной прагматики о рефлексивно преломленном конституированном языке разуме: акты этого разума, в которых он реально соотносится с чем-то, с чем-то имеет дело, не просто имеются в наличии, но с необходимостью существуют для актора как всегда уже истолкованные и таким образом имеют для соответствующего субъекта также характер чего-то предметного.

Именно отношение, в котором язык выступает как медиум отношения к реальности и одновременно сам является темой, предельно ясно выражено в эксплицитной канонической форме речевого акта: "Настоящим я утверждаю (спрашиваю), что p (верно ли, что p)", и оно в то же время задействуется для достижения особых целей, типичных для речевых актов. Уже Остин обратил внимание на это "настоящим", имплицитно рефлексивную структуру. Однако только Хабермас удачно концептуализировал (auf den Begriff gebracht) этот аспект, предложив понятие рефлексивно организованной перформативно-пропозициональной "двойной структуры" (Doppelstruktur) речевого акта.

В соответствии с ним речевой акт состоит из двух частей: иллокутивного акта, которому в стандартной форме эксплицитного речевого действия соответствует перформативное предложение, и пропозициональной составной части, которой соответствует пропозициональное содержание. Иллокутивный акт определяет смысл употребления пропозиционального содержания, а наполнение акта задает содержание, которое понимается в соответствии с определенной коммуникативной функцией. Перформативное предложение соотносится как с самим собой ("настоящим"), так и с пропозициональной частью. "Речевые действия интерпретируют себя сами, так как они обладают саморефлексив-

ной (selbstbezügliche) структурой"⁴. Правда, это канализированное языком, рефлексивно-отношение говорящего к своим речевым актам, в котором становится особенно явственной рефлексивная преломленность конституированного языком разума, может обретать самую различную степень эксплицитности и рефлексивно объективирующей дистанции. Однако отправная точка рефлексивности с самого начала имеется в наличии.

К пункту б): расселовский запрет на саморефлексивность (Selbstbezüglichkeit) логике, за которым стоял весь авторитет новой логики, обобщенно понимался как запрет на саморефлексивность как таковую в дисциплинированной научно-философской речи. При более пристальном рассмотрении оказывается, что он касается возможностей философии вообще. Ибо что остается, если философия лишается — не реализуемых без рефлексии — возможностей заниматься в общем плане вопросами структуры, правил, условий возможности суждений, мыслей, высказываний?

Сильным аргументом против расселовского тезиса является совсем не лишнее указание на то, что один из наиболее значительных результатов философии языкового анализа состоит в обнаружении того, что сам естественный язык, к которому по-прежнему привязано контролируемое введение формализмов, устроен рефлексивно, что рефлексивность является внутренней и существенной структурной характеристикой основополагающей единицы речи, речевого акта.

К пункту в): исходя из иллокутивной части речевого акта интерпретируется и тем самым детерминируется действие в целом. Именно здесь определяется и выдвигается доминирующее притязание на значимость, и тем самым определяется и выражается отношение пропозиции к реальности, смысл использования пропозициональной части (в качестве вопроса, ответа, приказа и т. п.). При этом параллельно — что является лишь другой стороной данных действий — и с неизбежностью делается и заявляется в качестве такового ход в игре, который определяет возможные теперь правомерные реакции не только для самого говорящего, но и для всех участников игры (Mitspieler), т. е. определяется вид возможных (социальных) отношений лиц, кооперирующихся в игре. Посредством того, что я выдвигаю притязание на истинность относительно некоторой пропозиции, я определяю смысл использования этой пропозиции, ее отношение к реальности, о которой она говорит, и одновременно призываю адресатов данного выражения к определенным реакциям (свободное принятие или отклонение этого притязания) и соответственно предоставляю им определенные права (на вынесение суждения, на критику моих продуктов).

Перформативные предложения, в которых некоторое выражение заявляется как речевой акт того или иного типа, однозначно относятся к коммуникативной функции языка. Они представляют собой то, посредством чего, прежде всего, делается возможной и организуется кооперация в речи, и при этом они являются теми речевыми феноменами, от которых основное течение в философии языка до "прагматического поворота" систематически абстрагировалось в пользу абсолютизированной репрезентативной функции. Сейчас выясняется, что важным результатом разумно интерпретированной теории речевых актов явля-

ется не только то, что функция репрезентации — одна из многих возможных и совершенно равноправных функций языка, но то, что использование пропозиций в констатациях и выдвигание притязания на истинность для высказываний становятся возможными, прежде всего, через использование речевых феноменов, традиционно и по праву считавшихся подлинно коммуникативными. Репрезентативная функция языка, традиционно абсолютизовавшаяся в ущерб коммуникативной функции, в действительности зависима от нее. Достижение взаимопонимания кем-либо и кем-то относительно чего-либо при помощи языка является универсальным моментом, включающим и позволяющим делать все остальное. Репрезентация чего-то в высказываниях является частным случаем использования языка, который становится возможным благодаря всеобщей структуре речевой системы взаимопонимания⁵.

К пункту г): поскольку репрезентативная функция утрачивает свое отдельное абсолютное положение, освобождается место для более полного и богатого понятия языка и соответственно устроенного языком разума или рациональности. Ссылаясь на тезисы Остина и обращаясь к модели языка Карла Бюлера⁶, Хабермас показывает, что все три основные функции языка в бюлеровском понимании выполняются через притязания на значимость и через их обеспечение (Einklösung) соответствующими основаниями, тем самым преодолевается доминирующая еще и в теории речевых актов монополизация значимостного модуса истинности, связанного с репрезентативной функцией. Как некоторый речевой акт понимается в плане выполняемой им функции репрезентации в том случае, если известно, какие основания могли бы быть приведены в пользу правомерности притязания на истинность, точно так же речевой акт понимается в аспекте его функции выражения или же функции установления связи, или функции призыва (Appelfunktion) в том случае, если известно, какие основания могут быть приведены для оправдания притязания на искренность (Wahrhaftigkeitsanspruch) или притязания на правильность (Richtigkeitsanspruch). По аналогии с объективным выражением мироотношения, используемого для изображения, т. е. подпадающего под притязание на истинность, Хабермас дополнительно вводит еще два мироотношения: притязанию на искренность экспрессивно используемого выражения соответствует отношение к субъективному миру переживаний и намерений, притязанию на правильность соответствует социальный мир как "совокупность легитимных межличностных отношений". Наконец он формулирует понятие "значения выражения вообще" в терминах теории значимости: "Мы понимаем некоторое речевое действие, если нам известен вид оснований, которые говорящий мог бы привести, чтобы убедить слушателя в том, что он при данных обстоятельствах вправе претендовать на значимость для своего выражения — короче говоря: если мы знаем, что делает его приемлемым"⁷.

Апель в дополнение к трем указанным притязаниям на значимость выделяет еще одно всеобъемлющее универсальное притязание — на интерсубъективно тождественную смысловую значимость, — которое может быть понято как условие возможности трех остальных⁸.

5.2. Эта радикализация теории речевых актов подводит к *основной модели* речевого действия, которая имеет примерно следующую

форму: А и Б достигают взаимопонимания друг с другом при помощи реального языка относительно чего-то в мире, при этом неизбежно выдвигают притязания на значимость и отвечают на них, выражая свою точку зрения по типу "да/нет", этими притязаниями на значимость отсылают к дискурсу как исключительной форме языкового действия, в которой может быть определена правомерность притязаний на значимость (на которых в данной модели все завязано), при этом неизбежно рассматривают друг друга и обходятся друг с другом одновременно как с членами реального, так и с представителями идеального коммуникативного сообщества.

Важнейшие черты этой модели суть следующие: 1) различие двух уровней. С одной стороны, подчиненный перформативным предложениям уровень интересубъективности, на котором устанавливаются и выражаются отношения между участниками коммуникации, адресуются, рассматриваются и получают ответ притязания на значимость, и, с другой стороны, подчиненная пропозициональным предложениям область данных опыта и положений дел, относительно которой и достигают согласия. В этом различении осью, вокруг которой все вращается, является двойная структура (речи), обеспечивающая рефлексивную предомленность. Как совокупное значение выражения, так и его отдельные функции реализуются путем выдвижения притязаний на значимость. Соответственно, центр тяжести выражения помещается теперь в перформативном предложении, в котором устанавливается рефлексивное отношение к выражению. 2) Конститутивная для идеи коммуникативного действия отсылка всех фактических коммуникативных действий к дискурсу как исключительной форме коммуникативного действия, где может быть показана (dargetan) правомерность притязаний на значимость, которая обыкновенно нетематически признается. Отсылка к этой особенной форме коммуникации встроена в эту систему столь же прочно и играет в ней такую же решающую роль, как отсылка к реальным наличным деньгам в кредитной системе. Наличные деньги редко выступают явно и тем не менее являются центром всей системы. 3) Различение между реальным коммуникативным сообществом, с одной стороны, к которому А и Б принадлежат как реальные лица, говорящие на этом фактическом языке, признающие эти фактические допущения и предпосылки, удовлетворенные этими очевидностями и т. д. и, с другой стороны, идеальным коммуникативным сообществом, в качестве представителей которого они должны себя контрфактически понимать, коль скоро всерьез принимают возможность удостоверения выдвигаемых притязаний на значимость. Это идеальное коммуникативное сообщество, к которому должны принадлежать как способные к неограниченной искренности участники, так и определенные, пригодные для удостоверения притязаний симметрические структуры коммуникации и наконец язык, который должен быть достаточно гибким для того, чтобы в самом деле справляться с текущими проблемами и быть в состоянии без каких-либо ограничений оценить правомерность выдвинутых притязаний на значимость. Этим различением (реального и идеального коммуникативного сообщества) фактическая практика достижения взаимопонимания связывается с целым рядом регулятивных принципов разного рода.

6. Трансцендентально-прагматическая критика коммуникативно устроенного разума

Теперь собраны воедино все средства для такой трансцендентально-философской критики языка или критики организованного языком разума, которая может быть как всеобъемлющей, так и радикальной и при этом будет в состоянии соответствовать находящимся в напряженном отношении друг с другом стандартам всякой критики разума, а именно, стандартам дескриптивной и нормативной адекватности. Это возможно прежде всего потому, что она делает своим центральным строительным принципом разъясненное выше рефлексивное устройство разума (двойную структуру, язык как медиум и тема). Она представляет собой трансцендентально-философскую концепцию, так как в ней структуры языка, коммуникации и разума рассматриваются как априорные, всегда уже необходимым образом задействованные условия возможности и значимости познания. В качестве трансцендентальной философии она способна обладать названными достоинствами, поскольку нереплексивное, жесткое и простое, мыслимое по образцу некоего инстинкта языковое априори раннего Витгенштейна трансформировано здесь в сложное, двухуровневое, внутренне рефлексивное априори структуры, состоящей, с одной стороны, из предельной инвариантной формальной контрольной инстанции, отвечающей за конституцию значимости, и, с другой стороны, из ситуативно опосредованных определенными материальными языками способов контакта (Zugangsweisen) с соответствующей объектной областью, релятивными априори, которые могут рефлексивно проверяться формальной контрольной инстанцией.

Она богаче и всеохватнее, нежели, к примеру, кантовский прообраз, поскольку предусматривает многие способы контакта с реальностью (как в систематическом плане: различные типы познавательной деятельности, так и в историческом плане: различные языки и тем самым различные понятийные (естественные и искусственные) "каркасы" ("frameworks")). Вследствие этого она также является более конкретной, более гибкой — здесь не стрижется все под одну гребенку — и благодаря этому способна управиться со всем богатством фактически наличных, исторически своеобразных актов разума (дескриптивная адекватность). И при этом единство разума у нее все же не распадется на несоизмеримые, отгороженные друг от друга региональные материальные образования. Напротив, действует рефлексивная обратная связь с центральной формальной контролирующей инстанцией философского дискурса, которая препятствует тому, чтобы универсальность важнейших притязаний на значимость, истинность и правильность была регионализована, а значит, поставлена в зависимость от контекста. Наконец данная концепция является более радикальной, нежели упомянутые образцы: во-первых, потому, что здесь добавляется измерение рефлексивной критики языка, оценки и исправления того или иного используемого языка как релятивного априори; во-вторых, дело в том, что философская критика языка и разума очевидным образом обязана быть радикальной. В силу этого здесь большое значение имеет проблема завершения (Abschlussproblem), проблема критики самой критики, предельной критики. Половинчатая критика, некритическая критика может выступать здесь

лишь как ничего не достигающее предприятие, осуществляющее к тому же фактическое закрепление (последних) предрассудков. Конститутивная для рассматриваемой концепции рефлексивность позволяет справиться и с этой проблемой и тем самым принципиально превзойти названные прообразы.

6.1. Подобно тому, как при логическом заключении достоинство вывода зависит от достоинства предпосылок, так и результаты удостоверения условий возможности и границ значимого познания, осуществляемого в рамках критики разума, заслуживают такого доверия, какое вызывает сама процедура критического удостоверения. Если рефлексивность либо не допускается, либо — как это по существу имеет место у Канта — трансцендентально-философская рефлексия сама понимается нерефлексивно, тогда возникает угроза регресса метакритик, который разрушает идею принципиальной и окончательной трансцендентально-философской критики разума. А трансцендентальная прагматика может показать, а) что с помощью определенных рефлексивных аргументов может быть разрешена проблема завершения и как именно это возможно и б) что этот тип аргументов как раз задействует здесь возможности центральной двойной структуры, использует и тем самым подтверждает постулированные структурные отношения, давая им тем самым предельное обоснование.

К пункту а): проблема, с которой прежде всего должна справиться попытка предельного обоснования, — это проблема бесконечного регресса, а именно, в горизонтальном плане — как регресс обоснования, и в вертикальном плане — как регресс метакритик. Причина для появления регресса и для серьезного к нему отношения состоит в том, что в обосновании желают оградить себя не только от действительного, но даже и от едва возможного сомнения. Так приходит к регрессу в обоих направлениях, поскольку при каждом отдельном шаге снова возобновляется сомнение, которое должно было преодолеваться посредством обоснования или критики. Итак, очевидно, что задача оградить себя от едва возможного, содержательно еще совершенно неопределенного сомнения не может быть решена посредством поочередно подвергающихся испытанию перспективных вариантов, которые кажутся обладающими иммунитетом против сомнения. Решения можно ожидать только от принципиального осознания (Besinnung) условий возможности и значимости осмысленного сомнения, осмысленного оспаривания, которые всегда представляют собой также и границы осмысленного сомнения. Решение заключается в понимании следующего: именно то, что должно использоваться и делаться значимым тем, кто подвергает нечто сомнению или оспариванию, для того чтобы вообще делать это осмысленно, находится за границами осмысленного сомнения и поэтому должно быть застраховано от всякого сомнения. Поскольку если сомнение было бы направлено также еще и на это, оно бы разрушило само себя. Сказанное может быть обобщено следующим образом: в качестве достоверного до всякой аргументации считается то, что аргументирующий необходимо должен использовать и предполагать, а именно, условия возможности и значимости осмысленной аргументации.

Тогда скептик может обратить наше внимание на то, что мы знаем

об условиях возможности постановки под сомнение и аргументирования только посредством погрешимой (fallible) реконструктивной теории аргументации. Но если эта теория погрешима, то наши усилия по ее защите очевидным образом снова приводят к регрессу. Однако против этого возражения нам помогает следующий ход: подвергать сомнению нечто и аргументировать относительно чего-то суть действия, которые считаются таковыми лишь тогда, когда они не просто случаются с актором, но выполняются им таким образом, что он хотя бы в определенной мере знает об этом, следовательно, они могут быть приписаны и вменены (verantwortbar) ему. Если мы можем опереться для наших целей на это принадлежащее самому процессу аргументации конститутивное знание о ней, тогда обращение к погрешимой теории аргументации становится излишним, и можно опираться на то знание, которое по крайней мере в своем ядре должно считаться непогрешимым, поскольку оно самогарантируется⁷.

Такое знание может быть введено в игру лишь посредством того, что его пытаются оспорить и строго рефлексивно следят за тем, могут ли тогда эти попытки считаться тем, чем они должны считаться, чтобы быть в состоянии нечто поколебать.

Приведем пример: скептик утверждает: "Правила совершения утверждения для меня не являются значимыми" (M(p)). Его оппонент проверяет правомерность этого выражения и сравнивает для этого тезис с тем, что он на деле должен понять в выражении скептика, чтобы вообще постановка проблемы оправданности данного притязания на значимость была бы возможна (важно, что он сравнивает тезис не со следствиями из некоей лингвистической теории). Для того чтобы он мог иметь дело с проблемой истинности высказывания M(p), он должен уже понимать M(p) как нормальное (regelrecht) утверждение. Но тем самым проблема уже решена, поскольку он не сомневается в том, что M(p) является нормальным утверждением; тогда он противопоставляет M(p) не очевидность, которая в свою очередь еще может быть подвергнута сомнению (что могло бы привести к регрессу), а приводит к исчезновению саму проблему, в контексте которой его сомнение только и обрело свой смысл. Поскольку подобное сомнение лишено смысла, то больше не может быть и никакого регресса — ни вертикального, ни горизонтального.

Основную идею этого аргумента можно резюмировать следующей формулой: то, что нельзя оспаривать без актуального противоречия с самим собой, выбор против признания чего нельзя делать без противоречия с самим собой, что, наконец, нельзя дедуктивно обосновывать без *petitio principii*, то не может вводить нас в заблуждение в аргументации, а значит, и вообще. Оно считается совершенно достоверным и может использоваться как прочный безусловный базис для прочих — обусловленных — предпосылок.

Благодаря аргументам этого типа, в которых перекрещиваются обнаружение знания процесса (Handlungswissen), всегда уже используемой субъектом аргументации, и усмотрение ее необходимости (Unhinfergebarkeit), представленная выше основная модель, ориентированная на дискурс и соответствующим образом центрированная речевым актом утверждения, может быть определена как рационально необходимая.

Субъект аргументации, который посредством дискурса проверяет правомерность проблематизированных притязаний высказываний на значимость, может в принципе при определенных условиях осмысленно подвергнуть сомнению все предложения, в частности как фаллибилист — их истинность и правильность, как лингвистически-герменевтический мелиорист¹⁰ — адекватность используемого для их артикуляции языка. Правда, он может это делать лишь так, чтобы при этом как раз-таки не оспаривать существенных составных частей ситуации дискурса, которые устанавливаются с его деятельностью и являются несущей конструкцией этой деятельности, делающей возможной ее саму (к ним принадлежит в дополнение к уже упомянутым элементам ряд стандартов, критериев, методов проверки и критики, а также общее доверие к разуму); их он как раз скорее признает в качестве основы любого возможного сомнения, всякой критики, которая сама вообще не может быть осмысленно подвергнута сомнению, как основу и оборотную сторону любого фаллибилизма и лингвистически-герменевтического скептицизма-мелиоризма.

К пункту б): этот способ решения проблемы завершения критики разума представляет собой одновременно использование и подтверждение предельного обоснования основных лингвофилософских идей трансцендентальной прагматики, понятийность которой обеспечивает к тому же адекватную экспликацию характера применяемой нами аргументации.

Данный способ является использованием этих основных идей, особенно о рефлексивной преломленности коммуникативно устроенного разума в том отношении, что всегда дискурс в качестве неизбежно задействованного медиума конституции значимости представляет собой прочный необходимый базис для всех проблем, связанных со значимостью. Поскольку он в силу присущей разуму рефлексивности может стать также темой и предметом, мы в состоянии знать об этой роли дискурса и использовать ее в нашей аргументации. И наконец поскольку он может становиться тематически доступным таким образом, что он должен уже присутствовать для участника дискурса как медиум, чтобы он мог в нем нормально вращаться благодаря знанию процесса аргументации, то в силу этого данная роль дискурса может использоваться таким образом, что больше не возникает никакого вида регресса, т. е. в строго рефлексивной деятельности аргументации.

Этот способ решения проблемы завершения критики является подтверждением и обоснованием трансцендентально-прагматической философии языка в том отношении, в котором основная модель, сводящая воедино ее главные идеи, показывается как необходимая. И наконец можно сказать, что аргумент предельного обоснования может быть эксплицирован наиболее адекватно в понятиях трансцендентально-прагматической философии языка, а именно как аргумент, соль которого состоит в использовании потенциала идеи так называемого перформативного, или прагматического, противоречия.

6.3. В завершение — кратко о следствиях для практической философии. Трансцендентально-прагматическая этика дискурса делает особенно хорошо заметным целый ряд достоинств этой концепции коммуникативно устроенного, рефлексивно преломленного сознания. А именно,

можно а) установить внутреннюю взаимосвязь между разумом и моралью и тем самым между теоретической и практической философией, б) показать, как может быть обоснована принудительность последних норм и в) показать, как большая гибкость морали может быть соединена с сильным обоснованием ее обязательности.

К пункту а): Кант в своей по-прежнему в высшей степени влиятельной этике установил тесную взаимосвязь между моралью и разумом, поскольку он считал, что строго интересубъективные обязательные нормы можно доказать только при том условии, если мораль обосновывается разумом. Однако по-настоящему показать, что сам разум морален, что разум волит морально правильно, он не смог. В свою очередь, это обстоятельство определялось его солипсистской в основе своей концепцией разума, где та инстанция, к которой должна возводиться мораль, разумный субъект, устроена таким образом, что совершенно невозможно понять, почему в нее изначально должно быть встроено соотношение с другими разумными субъектами. Другие разумные субъекты и отношения к оным, особенно когнитивные отношения, в кантовской концепции вообще не предусмотрены.

Трансцендентально-прагматическая этика дискурса также исходит из положения о том, что возможность доказательств строго интересубъективной моральной обязательности существует только при том условии, если она может быть возведена к разуму (который может считаться инвариантным в каждом субъекте норм). Поскольку же она исходит из основной структуры (речевого акта), охарактеризованной выше в качестве необходимой, она имеет дело с такой концепцией, согласно которой разум изначально является социальным, а реализация разума связана с интеракцией и кооперацией различных разумных субъектов в некотором коммуникативном сообществе: разум изначально включает правила совместности (Miteinander) взаимодействующих личностей.

Очевидная этическая релевантность этих рационально необходимых отношений в дискурсе, которые можно сделать продуктивными для этики дискурса (способом, продемонстрировать который здесь нет возможности¹¹), состоит в следующем: очевидно важнейшим речевым актом в дискурсе является утверждение (Behaupten). Тот, кто в дискурсе нечто утверждает перед лицом других, во-первых, может выдвигать необходимо связанное с этим утверждением притязание на его истинность только при том условии, что он осознает себя самого способным к достижению истины, ответственным, свободным (в особенности — способным к свободному разумению (Einsicht)) субъектом. Во-вторых, выдвигая притязание на значимость, он ожидает — в качестве единственно релевантной реакции адресатов — совершенно свободного, невынужденного, самоответственного высказывания своего отношения: согласия или несогласия, которое должно восходить не к чему иному, как к их совершенно свободному пониманию данного вопроса. Центральные виды деятельности в дискурсе и во всей системе конституции значимости — утверждение, согласие, возражение — возможны лишь тогда, когда участники (коммуникации) взаимно понимаются и признаются как свободные, вменяемые и ответственные и, помимо этого, как совершенно равноправные личности в эмфатическом смысле слова. В качестве равноправных они признаются наиболее близкими для дискурса. Однако

можно показать, что такое ограничение снимается. Это можно резюмировать так, что конститутивный для разума интерес к познанию и истине необходимо связан с интересом к нормативной правильности, справедливости, честности (Fairness). Тем самым становится ясным, что теоретический и практический разум в действительности тождественны.

К пункту б): если теоретический и практический разум взаимосвязаны столь тесно, как было показано, если интерес к познанию и истине необходимо связан с честностью, с признанием других в качестве равноправных личностей, тогда в рефлексивном предельном обосновании можно показать, что всякий, кто всерьез хочет знать, существуют ли обладающие принудительной силой обязанности (verbindliche Verpflichtungen), кто поэтому уже вступил в ситуацию дискурса, всегда уже необходимо принял на себя эту обязанность признания других равноправных (участников коммуникации) и обязанность консенсуального разрешения конфликтов между притязаниями, поскольку то, что не может подвергаться сомнению в дискурсе, вообще не может подвергаться сомнению. Поскольку возможно предельное обоснование, возможны также такие вещи, как категорический императив в строгом смысле.

К пункту в): этика дискурса является двухступенчатой. Во-первых, она состоит из прошедших предельное обоснование формальных основных норм, важнейшей из которых является та, которая обязывает к осуществлению конкретных практических дискурсов, направленных на нахождение разумных регламентаций (Regelungen), с которыми могли бы согласиться все фактические участники и вообще все, кого это в принципе касается. Во-вторых, к ней принадлежат также сами конкретные практические дискурсы, в которых по возможности следует принимать участие всем задействованным и затронутым регламентацией и форма которых определяется ее основными нормами. Этика дискурса соединяет предельную гибкость относительно меняющихся сложных ситуаций с предельной обязательностью, фаллибилизм в конкретных вопросах — с предельным обоснованием основных норм.

Примечания

¹ Следуя движению мысли основателя трансцендентальной прагматики Апеля, Кульман начинает характеристику трансцендентально-прагматической философии языка несколько издавек — с общего философско-антропологического очерка, посвященного сравнению типов отношения к окружающей среде, характерных для животных и человека; этот очерк (занимающий пункты 2.1–2.4) позволяет автору ввести ряд важных для его позиции положений: о языке как всеобъемлющей “метainституции”, созданной человеком прежде всего с коммуникативными целями, о конститутивности рефлексивно-критического отношения к фактическому опыту и фактически используемому языку, наконец, о том, что вопреки предрассудкам, транслируемым “здравым смыслом”, познавательное отношение человека к миру должно трактоваться не на основе привычной “оптической” метафоры как статическое отношение созерцания между предметом и глазом (разумом), а как динамическое разрушение всегда уже преданной языку “публичной истолкованности” (отсылка к Хайдеггеру, идеи которого оказали значительное влияние на формирование собственной концепции Апеля), как активная и критическая устремленность к установлению действительного положения дел.

² Разделы 3 и 4, в соответствии с принципиальной установкой трансцендентальной прагматики на критический синтез основных результатов, полученных современной философией языка, посвящены исторической реконструкции основных вех ее развития. В частности, раздел 3 “Язык как условие возможности актов разума” экс-

плицурует сущность и основные последствия для философии “лингвистического поворота” (главным образом, через отсылку к парадигматическим идеям Витгенштейна), тогда как раздел 4 “Прагматическое измерение языка” проследивает эволюции уже оформившейся философии языка, логика движения которой связывается с углублением “лингвистического поворота” вследствие переориентации с логицистского анализа синтаксико-семантических вопросов на тематизацию прагматических аспектов языкового значения, связанных с повседневным коммуникативным использованием естественных языков (в качестве образцовых примеров такой переориентации и соответственно “ближайших предков” трансцендентальной прагматики называются, как не трудно догадаться, концепция языковых игр позднего Витгенштейна и теория речевых актов Остина-Серля).

³ См.: Was heißt Universalpragmatik? // Sprachpragmatik und Philosophie / Hrsg. K.-O. Apel. Frankfurt: Suhrkamp, 1976. S. 224.

⁴ Habermas, J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt: Suhrkamp, 1988. S. 65.

⁵ См.: Apel, K.-O. Die Logosauszeichnung der menschlichen Sprache // Perspektiven auf Sprache / Hrsg. von H.-G. Bosshard. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1986.

⁶ См.: Бюлер, К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. Habermas, J. Nachmetaphysisches Denken. S. 80.

⁸ Apel, K.-O. Die Logosauszeichnung der menschlichen Sprache. S. 74.

⁹ Kuhlmann, W. Reflexive Letzbegründung. Frankfurt: Suhrkamp, 1985. S. 76.

¹⁰ Мелиоризм — теория, согласно которой социальные отношения могут быть улучшены посредством постоянных сознательных усилий (от лат. melior “лучше”).

¹¹ См.: Kuhlmann, W. Reflexive Letzbegründung. S. 181 ff.

Перевод В. Фурса выполнен по изданию:
Kuhlmann, W. Die transzendentalpragmatische Position // Sprachphilosophie: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. von M. Dascal u. a. 1. Halbband. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. S. 746–761.